

Некоторые сведения о дмитровских грамотах XV—XVII вв.

Памятники древнерусской письменности помогают нам представить, как уже в достаточно далекую эпоху складывались русские говоры, какие диалектные черты их различали, как шло формирование языка русской (великорусской) народности, а затем нации и т. п. Интерес к истории языка значительно возрос за последнее время. Не одно исследование посвящено истории московского говора, который, как полагают, лег в основу современного русского литературного языка. Значительное внимание уделялось вопросам формирования говоров Подмосковья. Так, были изучены говоры южного, юго-западного, западного и северо-западного Подмосковья¹. И всегда, приступая к отбору необходимого материала, историки языка сталкиваются с большими трудностями. Эти трудности заключаются главным образом в том, что принятая во всех исторических архивах каталогизация документов, составленная, если можно так определить, по принципу отнесенности содержания последних к определенной территории, не всегда приемлема для лингвистов, ибо она не учитывает места написания документов, а основывается лишь на упоминаемом в тексте географическом пункте. Например, памятник

¹ К. В. Горшкова. К истории говоров южного Подмосковья. «Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ», 1947, вып. 3, стр. 43—48; В. В. Иванов. Из истории говоров северо-западного Подмосковья (автореф. канд. дисс.). М., 1953; Л. Э. Калнынь. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии (автореф. канд. дисс.). М., 1952; К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосковья (автореф. канд. дисс.). М., 1951.

мог быть написан в М о с к в е, но о дмитровских землях, поэтому в ЦГАДА он числится по Дмитрову, хотя древним местом его хранения мог быть Иосифо-Волоколамский монастырь, куда этот документ мог быть адресован, если упоминаемые в нем дмитровские вотчины жаловались этому монастырю. Но в таком случае памятник не может служить источником для каких бы то ни было лингвистических исследований ни д м и т р о в с к и х, ни в о л о к о л а м с к и х говором, так как является памятником м о с к о в с к и м и должен отражать особенности произношения местного (московского) писца.

Для историко-диалектологических исследований важно не только содержание документа, важно знать прежде всего, где (а не только когда) писался рассматриваемый документ, важно установить, являлся ли писец той или иной грамоты носителем исследуемого говора. И только это положение может быть критерием при отборе материала.

Однако подобная задача трудна и иногда даже может оказаться неосуществимой, так как далеко не все писцы указывали в грамотах свое имя, да и многие из этих имен теперь неизвестны.

С подобными трудностями пришлось встретиться и автору этой статьи при отборе в ЦГАДА материала для исследования, посвященного истории говоров северного Подмосковья (дмитровских говоров). Так, было обнаружено, что далеко не все грамоты фонда № 281 (ГКЭ), отнесенные к Дмитрову, могут быть использованы в лингвистическом исследовании, цель которого — изучение фонетической системы определенного диалекта.

В первую очередь были отобраны грамоты дмитровских князей — Петра Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), Юрия Васильевича (сына Василия Темного) и Юрия Ивановича (сына Ивана III), которые, как известно, почти безвыездно прожили в своем уделе, и естественно предположить, что писцы их тоже были местными жителями, дмитровцами.

Почти все грамоты князя Юрия Ивановича имеют помету «писана в Дмитрове»². Это навело на мысль,

² Исключение представляет «Жалованная грамота дм. кн. Юрия Ивановича Федору и Дмитрию Спешневым на с. Фроловское с деревнями» (№ 3/6698), имеющая помету «писан(а) на Москвѣ».

что такие же пометы могут быть и в грамотах, отнесенных в описях к Рузе, Звенигороду и Кашину, ибо в удел Юрия Ивановича, помимо Дмитрова, его постоянной резиденции, входили земли и этих городов, куда он тоже должен был посылать свои жалованные, льготные, тарханские, меновные и данные грамоты.

Действительно, в архивных документах Рузы, Звенигорода и Кашина оказались жалованные и льготные грамоты дмитровского князя Юрия Ивановича, которые имели ту же помету «писана в Дмитрове» и поэтому по праву смогли быть использованы как подлинно дмитровские рукописи³.

Грамоты князя Юрия Ивановича, писанные в Дмитрове, были обнаружены не только в фондах Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей, но и в фондах Саввина Сторожевского монастыря (см. ГБЛ, Собр. И. Д. Беляева)⁴.

Грамоты дмитровских князей Юрия Васильевича и Юрия Ивановича оказались и среди грамот Переяславля-Залесского. Выяснилось, что они по ошибке отнесены были когда-то к Переяславлю, но эта ошибка, к сожалению, в обзорах документальных материалов ЦГАДА нигде не оговаривается⁵.

Вместе с тем целый ряд «дмитровских» грамот (т. е. грамот, которые в фонде № 281 числятся по г. Дмитрову или по Дмитровскому уезду) не был использован. Таковы все грамоты великих князей, князей московских, которые пользовались услугами московских писцов; та-

³ Грамоты эти следующие: ф. № 281 (ГКЭ), Звенигород — 5/4679, 6/4680, 7/4681, 8/4682, 9/4683; Кашин — 88/6783; Руза — 5/10236, 6/10237, 7/10238, 8/10239, 9/10240, 11/10242, 17/10248, 24/10255а. — Все это подлинники, о чем говорят имеющиеся на отгибе грамот (или подвешенные на шелковых пшурках) черновосковские княжеские печати, а также подписи князя на обороте грамот (образец одной из этих грамот — № 7/10238 — см. на рис. 1).

⁴ Несколько подобных грамот (с той же пометой «писана в Дмитрове»), хранящихся теперь в ГБЛ и ГПБ, вошло в третий том «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (см., например, № 27, 61, 95).

⁵ Только об одной из дмитровских грамот (№ 25/8749) в «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» упомянуто как о грамоте, «ошибочно отнесенной к Переяславлю» (см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., 1952, стр. 294).

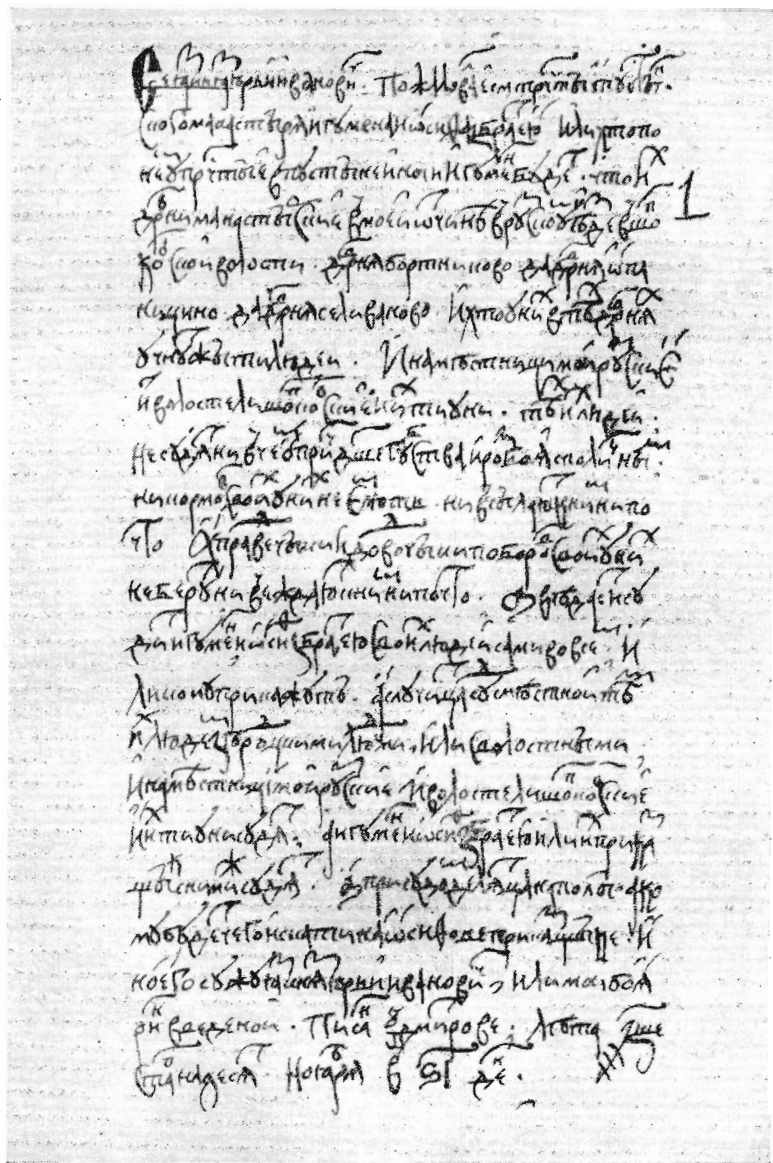

Рис. 1. Жалованная несудимая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича на деревню Бортниково (1507 г.)

ковы все грамоты князя Владимира Андреевича Старицкого периода 1566—1569 гг., т. е. того времени, когда этот князь получил в удел дмитровские земли, но в Дмитрове не жил, и все его жалованные грамоты писались московскими писцами (многие помечены «писана на Москвѣ»).

Поскольку Дмитров с последней четверти XVI в. был присоединен к Московскому государству, значительная часть официальных документов писалась в Москве, что исключало возможность их использования.

Не были использованы также грамоты, личность писцов которых установить не удалось. Пришлось отказать и от тех грамот, которые, как оказалось, писались дьяками московских монастырей. Так, например, в Дмитровском фонде (ГКЭ) были обнаружены две купчие грамоты (№ 11/3723 и № 15/3727) за подписью «а грамоту писалъ Васюкъ Чернои». Однако этот писец — Василий Черный — был дьяком Московского Симонова монастыря, о чем он сообщал в «данной грамоте Давыда Иванова на деревню Гавриловскую»: «А даную грамоту писал Васюк Черный дьяк симоновский»⁶.

Иногда, чтобы доказать, что та или иная грамота писалась на территории Дмитровского уезда, приходилось прибегать к сравнениям грамот, к различным сопоставлениям их, к анализу их содержания. Так, две грамоты XVI в. (№ 88/3800 и 115/3827) за подписью «писал Патои Злобин сынъ Курбатов», можно думать, писались на территории Дмитровского уезда в Ижевском стане, так как одним из свидетелей («послухов»), присутствовавших при написании этих грамот и поставивших свои подписи, был местный священник («Тихон с Ыжва») — «духовный отец» вотчинника, от имени которого писалась грамота. Этот же писец («Патои Злобинъ сынъ Курбатовъ») — писец грамот, писанных в 1559 и в 1569 гг., — в 1553 г. в другой грамоте (№ 79/3791) выступал в роли послуха. Эту грамоту, как и более раннюю, относящуюся к 1542 г. (№ 60/3772), писал опять-таки один писец — «Матька Федоровъ сынъ Лапшинъ». Так сопоставление имен писцов и послухов дает иногда

⁶ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. II. М., 1958, стр. 377.

Сей же дьяволъ иже съиде о тло въ снх снхъ бо о г ор р д м н е
 р д м н ф о н с в н з б р с ю н а л о п о н с н и д р х и м д r p o z o s
 б о е . р в о р о д ъ в д н и р o b b i d o u n i . в о д o p b o y t o
 д и t a b o r n e и т о м у д в e p и c y н e н д a o b m o n i c m z o p
 н в с e c e n n и o t o p d a c n и n c r d i c c t a c e n n n n
 п o b c a d n n m b n n t c n n n в o c m b n n e n n в c e e n n l a
 г e n n o c t y r o c k e n e m d r d i l u g d m o b e c o c i b n n g e n a m e
 i o p r m i n n e c l u r a m n n c e r r y m n z r o p o c i m n l e m n
 n e n d a o b t i t a n y n n i n v a c i c e p o b b e r n n v p o m e t a n n
 n n d n n n o t o p d i n o c a n n n n d r o b t o c t a n n i c n n i c n n
 m e n d n p p o c i c e n n n n n i c t b i n n n e b e c k a d n n i
 p o b t o n n c y d o i n n n e n n p p o c e d n n e g u c k d d r d e n e c t a n
 a b o r n i n n d n n d e b e r c e c o d r x i m d r p i c n n e p r m i d
 m i c c y t e a c y c n t o n o t e d o r n i n n e t a c e b e r c e n
 o r o c i m n n l o m n n c i b e k n n n m o n d n n t r o c i c e n n
 n n c y n n t b e r o r n i c n n n d e b e r c e n n c y d a b p o b o t a d a
 n e b e c n o k i n n d i n n n d i n n n c n n n c y d i d c y d i n o d d a
 n o c k e m e m e n n z e r b e c e i e v i n n n n d r e c e t a n n o
 n l o v e n e t b e d e t a n n n e b e r c e n n n l a c n n n d e r e b
 d n n e n
 e e z a o i n n n b i d o r b e n n d e t b e r c e n n n n n n n n n n n
 n n n o d n n n e c n
 c a p o p c t o d i n n n n r a n n n n n c o n y c u d e n n e n n n n n
 p r n n d n
 c n d e r e c o m o n g r a m o l y c o n d n n n n n n n n n n n n n n
 n
 c y c n

Рис. 2. Жалованная тарханная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича (1457 г.)

возможность установить место написания нескольких грамот.

Многие из купчих, меновных и данных грамот писались самими вотчинниками, жителями дмитровских станов и волостей. Об этом свидетельствуют подписи: «а грамоту писал Михаило самъ» (10/3722), «а даную грамоту писалъ из Юрьи Семенов снъ Башенина своею рукою» (23/3735), «а даную писал Ошонька в отца своего мѣсто своею рукою» (71/3783), «а купчую писал аз сам Григорей своею рукою» (111/3823), «а даную яз Иван писал сам своею рукою» (126/3838), «а даную писал Иван сам своею рукою» (139/3851), «а запис писал Пѣшекъ на себя и на свою жену своею рукою» (146/3858) и мн. др.

Эти грамоты, писанные не писцами-профессионалами, представляют очень большой интерес, так как в них меньше ощущается традиционность письма. Все эти грамоты отличаются и графически, и в правописании: писаны крайне небрежной скорописью, дают более всего фактов замены ѣ—е (*дед, крепость, лес, сер*) и о—а (*атца, атце, каза, сажа, тапор, радителях, пакоити, свами, полавина* и др.), которые объясняются отсутствием различия в произношении ѣ и е, о и а.

Эти тексты позволяют сделать вывод о неоднородности дмитровских говоров. Если на большей части уезда, в говорах центральных станов (главным образом Повельского и Лутосенского), обнаруживаются черты, свойственные современным северновеликорусским диалектам (шесть гласных фонем, еканье, наличие г-взрывного, губно-зубного в, оглушающегося в ф), то в говорах юго-западных станов (Мушковского и Ижевского) можно отметить, помимо целого ряда черт, распространенных по всей территории Дмитровского края (например, г-взрывного, губно-зубного в и еканья), — аканье и отсутствие особой фонемы ѣ. Подобное совмещение северновеликорусских черт с южновеликорусскими (главным образом аканья с г-взрывным), как известно, свойственно современным средневеликорусским говорам.

Материал для изучения дмитровских говоров хронологически неоднороден (и количественно, и по содержанию). Невелико число грамот, относящихся к XV в. (21). Это наиболее древние из дошедших до нас дмитровских деловых документов — таких, как жалованные грамоты дмитровских удельных князей Петра Дмитриевича (1423 г.)

и Юрия Васильевича (1457 г.)⁷. Наибольшее количество (75) самых разнообразных грамот, небольших по объему (1—2 л.), относится к XVI в. Тут и духовные, и жалованные, и дарственные, и тарханские, и льготные, и данные, и меновные, и купчие, и разъезжие, и межевые грамоты. Большая часть грамот XVI в. относится к первой трети века. Это в первую очередь почти все сохранившиеся грамоты князя Юрия Ивановича, т. е. грамоты периода 1505—1533 гг., имеющие постоянную помету «писана в Дмитрове». После 1533 г. грамот, которые можно было бы безоговорочно признать дмитровскими, немного, так как большинство из них прямых данных о месте написания не имеет. Грамот XVII в. — всего 15⁸. Однако этот небольшой по количеству наименований материал достаточно велик по объему, ибо сюда вошли не только мелкие юридические документы, которые можно считать достоверно дмитровскими, но и такие довольно крупные акты (объемом от 50 до 115 л.), как сотные выписи из писцовых и межевых книг монастырей Дмитровского уезда (Дмитровского Борисоглебского монастыря, Николаевского Песношского монастыря, Медведевой пустыни и Дмитровского Пятницкого монастыря)⁹.

Таким образом, упомянутый выше материал представляет собой все сохранившиеся грамоты фонда № 281 (ГКЭ) XV, XVI и XVII вв., которые можно признать памятниками подлинно «дмитровской» деловой письменности, которые и должны отражать основные особенности дмитровских говоров, историю их формирования и развития.

История дмитровских говоров представляет безусловный интерес в связи с проблемой складывания средневеликорусских говоров, проблемой взаимодействия северной и южновеликорусских диалектов, в связи с проблемой образования и развития языка русской (великорусской) народности.

⁷ Фотокопию грамоты № 1/3713 (1457 г.) см. рис. 2.

⁸ Следует отметить, что в архивных описях ГКЭ по Дмитрову первая грамота XVII в. датирована 1611 г. Можно думать, что большое количество документов за первое десятилетие XVII в. утрачено, очевидно, во время польско-шведской интервенции. Последний юридический акт XVII в., писанный в Дмитрове, — «Меновная запись игумена Николаевского Песношского монастыря на пустошь Шилово» (291/4003) — относится к 1686 г.

⁹ См. ф. № 281 (ГКЭ), Дмитров: № 186/3898 (1628 г.), 190/3902 (1628 г.), 208/3920 (1649 г.), 221/3933 (1664 г.), 256/3968 (1680 г.).